

ОЛЕГ БАХТИЯРОВ

Воля над Хаосом

Олег Георгиевич Бахтияров

Воля над Хаосом

Серия «Ветер Иного»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56605328

Воля над Хаосом. / Бахтияров Олег Георгиевич: Традиция; Москва; 2020

ISBN 978-5-9909614-3-2

Аннотация

Попытки реального конструирования будущего России – это необходимое условие сохранения ее жизни. Задача не в том, чтобы построить еще одну модель для понимания, задача – создать средства управления историей более мощные, чем те силы, которые управляют историей до сих пор.

Россия должна продолжить свое историческое существование как самостоятельная цивилизация. Для этого необходим сверхпроект, выходящий за пределы пространства ранее реализованных проектов – проект Иного по отношению к существующему и ранее существовавшему. Именно эта тема рассматривается в книге «Воля над Хаосом» выдающегося ученого и практика Олега Георгиевича Бахтиярова.

Предельное понимание воли – порождающая активность, у которой нет оснований, способность действовать и порождать цели и смыслы из себя, без внешней причины. Активность, к которой применимы слова о свободе воли и которая открывается

только ясному сознанию, реальность, которая выше языка, мотиваций и усилий. Это и есть самое ценное достояние человека, Воля с большой буквы.

Проекция Воли на политическое поле порождает представление о волевом управлении – волюнтократии, – противопоставленном как хаотическому произволу тиранических режимов, так и нормократии – господству правил и законов. Волюнтократия – это Иное, это власть пробужденной Воли. Волюнтократия – это цель Перехода к Иному и средство такого Перехода. Задача – волевое управление культурными, социальными и политическими процессами, управление и Хаосом, и Правилами, превращение жизни-как-реакции в жизнь-как-активность. Сознание становится активным.

Первая книга в серии «Ветер Иного» издательской группы «Традиция».

Содержание

Последняя технология сверхчеловека	6
Предисловие к третьему изданию	9
Введение	11
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Георгиевич Бахтияров

Воля над Хаосом

Третье издание, исправленное и дополненное

© Олег Бахтияров

© Издательская группа «Традиция»

Иллюстрация на обложке: Марина Бахтиярова. «Нереальный дракон».

Последняя технология сверхчеловека

Издательская группа «Традиция» представляет вашему вниманию Иной интеллектуальный материал, в полной мере соответствующий интуициям издательства, которое ведет своих читателей к непроявленным смыслам мироздания.

Концепция книги «Воля над Хаосом» есть первое приближение автора к последней технологии управления реальностью, которая грозит Новым Миром. «Воля и ясное сознание – созидание нового мира»: вот формула автора, которая базируется на возможности соотнесения жизни человеческой с исполнением божественного промысла.

Феноменальные процессы, происходящие сейчас в современном обществе, требуют нового вопрошания и новых инструментов управления ответами. В условиях всеобщей смертности (конца философии, смерти богов, конца эры композиторов) вопросы о том, что не мертво, – есть вопросы о жизни. И поэтому требуется «повернуть глаза зрачками внутрь» и найти последнюю инстанцию, стоящую над жизнью и за нее отвечающую. По мнению автора, таковой является Воля, противостоящая и неупорядоченности Хаоса, и нормативной обусловленности Космоса.

Данная книга, безусловно, является текстом для подготов-

ленного читателя. Однако любому уму она будет полезна в качестве пропедевтики возможного выхода на иной уровень, уровень волевого управления обусловленностями и правилами. Ценность данного материала напряженно подтверждается экспериментальной работой автора в реализации данного направления, постоянно проводимой психонетической практикой.

Эклектичность высказанных автором концепций является таковой только на первый взгляд. Учет исторических процессов, соотнесение с мнениями ведущих философий, нумерологические прозрения – все это составляет гораздо более сложную картину мировоззрения, которая, по словам автора, является скорее одной из невозможных фигур, таких как треугольник Пенроуза или объекты с картин Эшера.

Четвертый Рим, Четвертая политическая теория, четверица философа вызывают к жизни концепцию о четвертом режиме управления. Четвертый режим управления есть восходящая к примордиальной традиции идея о верховенстве высшей касты (касты браминов или философов), позволяющая поддерживать примат ноуменального над господством феноменального. Четвертая страта (она же первая) есть создание или революция (возвращение) к Первочеловеку, получившему в удел свободную волю для борьбы с первым искажением. Борьба всегда была, есть и будет в этом несовершенном мире, а потому единственный путь возврата Домой

– это всемирная волюнтаризация человеческого, так предвидит автор, и с этим трудно не согласиться.

Русская сторона всегда была в авангарде этого движения. На русскую надежду уповали мыслители Запада и Востока. Россия Вечная предуготовлена к этой борьбе исторической ноомахией и онтологической тоской по запредельному. Остается только волевая реализация предначертанного, волевое желание человека исполнить Промысел Божий. И потому это книга для каждого.

«И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?

И я сказал: вот я, пошли меня».

Предисловие к третьему изданию

Постмодерн, постнеклассика, постнаука, постчеловек, постхристианский мир, постсоветские государства... – «пост» становится самой распространенной приставкой современных неологизмов. «Пост» несет в себе отражение длящейся катастрофы. Некие процессы, явления, события – нечто – уже свершились, а дальше нет ничего качественно определенного, нет ничего, что заслуживало бы своего имени.

«Пост» в его современной формулировке – это не просто «после чего-то», современный «пост» – это после Всего. То «после», за которым следует смерть и мумификация культуры. Даже приставки, означающие выход, переход, вроде «мета» и «транс», тоже становятся лишь обертками термина «пост» – «трансгуманизм», «метамодерн».

Впрочем, у нового мира уже появляется имя: VUCA-мир – от английских слов «нестабильность», «неопределенность», «сложность» и «неоднозначность». За этими словами, обозначающими нарастающие сложности в политике и технологиях, стоит нечто гораздо большее – истощенность мира реакций, мира ответов на вызовы, в котором мы жили до сих пор.

С VUCA-миром нельзя справиться обычными методами. Нужна особая позиция. ИНАЯ позиция. Грандиозная историческая драма заканчивается. Пора начинать писать новые

пьесы.

Книга «Воля над Хаосом» – попытка начать разговор на эту тему.

Введение

Есть две проблемы.

0.1. Одна хроническая, всеобщая – общая для всех эпох и всех типов человеческих сообществ. Она сопровождает всю человеческую историю: стремясь освободиться от власти Хаоса, восстановить свою свободу, люди создают правила и нормативы, заклинающие Хаос и освобождающие Сознание от подчинения ему. Нормативы создают линию обороны, подавляя хаотические желания и спонтанные реакции, подчиняя их правилам. Но эти же нормативы и правила становятся новым господином, они столь же властно подчиняют себе Сознание, как и Хаос. Сознание в ответ разрушает деспотические правила, создает новые и вновь попадает в ту же ловушку. Так происходит и в индивидуальной жизни людей, и в социально-политической, и в Культуре. И Порядок, и Хаос в равной мере противостоят свободной Воле сознающих себя существ. Хаос то укрощается Порядком, то разрушает его, но над их бесконечной борьбой стоит Воля, которая и должна стать третьим игроком – победителем в этой войне. Превращение Воли в главный фактор, управляющий жизнью, – это и есть главная задача земной жизни отдельного человека. А задача цивилизации – превращение Воли в сердцевину и источник исторического процесса.

Но как произвести волюнтаризацию цивилизации? Для

этого нужны рычаги превращения жизни-как-реакции в жизнь-как-активность. Рычаги должны быть тотальными: охватывающие как прошлое, так и настоящее, способные видоизменяться в ходе их применения.

0.2. Вторая проблема – локальная и отнюдь не абстрактная. Россия пережила воплощение и крушение множества своих проектов, но сохранила жизнь и энергию. Об этом свидетельствуют и переполненность интеллектуального пространства России рассуждениями о пройденном историческом пути, моделями и антимоделями, и запросы на разработку национальной идеи, поступающие от политической элиты. Идея ищется, но не находится, и становится очевидным, что поиск должен вестись не среди обломков прежних проектов и идеологий, а там, в непроявленном, откуда рождаются все проекты – в пространстве порождающей Воли.

А. ЗИНОВЬЕВ:

«В России нет великих социально-политических идей, способных вдохновить значительную часть ее граждан на историческое мужество и подвиги, без чего о новом взлете и думать нечего.

... такие великие вдохновляющие идеи по заказу не выдумаешь, если они сами уже не заявили о себе ощутимым образом. А весь мир стал таким, что в нем для таких идей просто нет никакой почвы. Все более или менее значительные идеи, владеющие умами и сердцами мыслящей части человечества, суть идеи асоциальные: спасение окружающей среды,

спасение от чрезмерного роста населения, спасение от преступности, устранение атомной угрозы и т. п.

Время великих социальных идей прошло»¹.

Обычно Большие проекты извлекаются из существующей культуры, их не придумывают, их обнаруживают и опознают. И к ним присоединяются. Но наступает момент (и для нас он наступил), когда все проекты исчерпаны и в окружающем нас культурном пространстве обнаруживается не новое, а лишь воспоминания о старом. Все, что могла породить Россия естественным путем, уже порождено. Осталось создать нечто сверхъестественным путем. Это означает переход от состояния, когда культура определяет формы сознания, к паритету творящего сознания и культуры как равноценных формирующих реальностей. А это, в свою очередь, означает, что сознание становится активным.

Неумолимо надвигающийся исторический спазм, о котором пишут все серьезные аналитики, заставляет задуматься: «а что потом»? Существующие сценарии грядущего кризиса и возникновения посткризисного мира, как правило, лишь продолжают те или иные видимые тенденции. Поэтому они никогда и не реализуются. На поверхность обычно выходят новые, не предвиденные никем факторы, разыгрываются «дикие карты», прилетают «черные лебеди». Кризис приближается и остается вопрос – что будет потом и кто вы-

¹ А. Зиновьев. Завершение русской контрреволюции. В сб. «Несостоявшийся проект». М., АСТ, 2009.

живет? У России в этом отношении хорошие перспективы: она закалена цепочкой кризисных преобразований, определивших ее историю. Этот опыт под рукой, и он должен быть актуализирован.

Рассуждая о проектах, нужно помнить, что в мире идет постоянная «позиционная война» между идеальными замыслами и их извращенными отражениями в реальной практике. Условием воплощения крупных социально-политических идей является их искажение, вульгаризация и, более того, крах. Но если эти идеи не разрабатывать и не пытаться реализовать, то столь же сильным деформациям подвергнутся и банальные прагматичные проекты, и результат будет еще хуже. Регулярные и, как правило, кровавые попытки идеалистов построить очередную утопию удерживают мир от окончательной катастрофы. Есть особый жертвенный героизм – пытаться осуществить высокую идею, понимая при этом неизбежность ее искажения и извращения. Любой проект будет воплощен иначе, чем думали его создатели. Тем не менее попытки реального конструирования будущего России – это необходимое условие сохранения ее жизни. Задача не в том, чтобы построить еще одну модель для понимания, задача – создать средства управления историей более мощные, чем те силы, которые управляют историей до сих пор.

Глава 1

Исторические модели

1.1. Статус исторических моделей и концепций.

Для построения проекта Будущего необходим «строительный» материал. Проект строится из идей, мотиваций, идентификаций. Проект Будущего всегда опирается на сгруппированные определенным образом факты истории. Факты отбираются, обрабатываются и истолковываются в соответствии с принятыми моделями. Факты группируются в определенные линии, которые отождествляются с «основными линиями развития» данного общества и тем самым формируются основания для проекта Будущего. Факты и линии Прошлого – исходное сырье для такого проекта.

1.1.1. Исторические и социокультурные модели создаются для решения по меньшей мере трех задач: а) для преодоления противоречий в понимании текущей ситуации; б) для обоснования явного или неявного проекта; в) для обретения инструментов преобразования наличной ситуации.

В первом случае модель выполняет терапевтическую функцию: переживание нестыковок собственных устремлений, внешних воздействий, реальной структуры и некоего идеального образа бытия мучительны, особенно для тех, кто не привык работать с противоречиями. Убедительная мо-

дель превращает Мир, в котором действуют невидимые силы, во вполне понятную картину, в которой изготовителю модели отведено удовлетворяющее его место.

Вторая задача манипулятивная – она решается выявлением «исторических закономерностей», ведущих к желаемому Будущему, цепочек событий, которые истолковываются как иллюстрация этих «закономерностей».

О. МИХАЙЛОВА:

«Сильное желание осуществить проект требует привлечения всех возможных и даже невозможных ресурсов. Таким «невозможным» ресурсом может стать и прошлое. И так историческая память, как визия, как видение прошлого, попадает в зависимость от будущего. Без ресурса прошлого и будущее немного весит, но существенным является вопрос их упорядочивания»².

Г. ПОЧЕПЦОВ:

«История – это тоже коммуникативная технология рассказывания о прошлом так, чтобы настоящее являлось его единственным правильным

² О. Михайлова. Мастерство минувшего і мастерство майбутнього. <http://hvylya.net/analytics/society/ministerstvo-minulogo-i-ministerstvo-maybutnogo.html>. В оригинале это звучит так: «Сильне бажання здшнити проект вимагає залучення уах можливих і навЪь неможливих ресурав. Таким «неможливим» ресурсом може ставати і стає минуле. І так вторична пам'ять, як візія минулого, потрапляє в залежшть вщ візіі майбутнього. Без ресурсу минулого й майбутне небагато важить; але суттєвим є питання пщпорядкування».

порождением»³.

В. ЦЫМБУРСКИЙ:

«...люди творят свою историю не только благодаря способности принимать решения, но и через интерпретации, приписываемые ими прошлому, настоящему и будущему. Когда мы говорим о зависимости исторических выборов, совершаемых людьми, от прошлого опыта, надо иметь в виду, что над людьми довлеет не какое-то «объективное» прошлое само по себе, а тот смысл, который они этому прошлому приписали, та сюжетика, при посредстве которой его оформили и закрепили в памяти. Люди детерминированы в своих действиях не менее, нежели материальными условиями своего бытия, также и правилами означивания истории, разными возможными программами этого означивания...»⁴.

А. ДУТИН:

«Четвертая Политическая Теория призывает... строить новое прошлое, творить прошлое, с опорой на ясно осознаваемую герменевтическую структуру. Это значит не упразднить смысл, но, релятивизируя, подчас ниспровергая старые смыслы, утверждать и создавать

³ Г. Почепцов. Коммуникативные технологии, описывая мир, активно создают его. <http://hvylya.net/analytics/tech/georgiy-pocheptsov-kommunikativnyie-tehnologii-opisyivaya-mir-aktivno-sozdayut-ego.html>.

⁴ В. Цымбурский. Метаистория и теория трагедии. В: «Конъюнктуры земли и времени». М., Изд-во «Европа», 2011.

Истолкование истории позволяет создать необходимый кадровый ресурс для реализации проекта – для многих людей мотивирующим моментом является участие в осмысленных процессах с гарантированным успехом.

Говоря об историческом процессе, закономерностях развития и упадка этносов, культур и цивилизаций, не следует забывать, что речь идет о системах, гораздо более сложных, нежели используемая нами мыслительная машина. Поневоле приходится выделять из общего фона исследуемого объекта отдельные факторы-фигуры, и создается впечатление, что склеенная из них система-модель отражает анализируемую реальность.

Однако ни одна из создаваемых нами моделей не может адекватно описать исторические явления и закономерности – их просто невозможно спроецировать непротиворечивым образом на существующие средства мышления в силу несоизмеримости масштабов исторического процесса и ограниченных средств анализа и моделирования.

ПИТИРИМ СОРОКИН:

«Все существующие теории этого рода несут в лучшем случае знание нескольких разбросанных «частиц» всей социокультурной совокупности, не раскрывая нам многого об их взаимных отношениях, их

⁵ А. Дугин. Четвертый путь. Введение в четвертую политическую теорию. М., Академический проект, 2015.

месте в общей совокупности или об этой совокупности в целом. Такое знание явно недостаточно и вполне ограничено. Оно напоминает знание некоторых несобранных кусков детского конструктора. Загадка остается нерешенной, несмотря на знание ее частей»⁶.

Тем не менее модели строятся и успешно используются для решения третьей задачи – ведь модель, помимо того, что она создает иллюзию понимания исторических феноменов, многократно превосходящих по своей сложности самого исследователя, еще и включает в себя управленческий аспект: модель выделяет точки воздействия на реальную систему (игнорируя при этом другие управляющие «входы в систему»), формирует инструменты управления текущей реальностью и дает возможность получить реальный результат.

Если модель становится общепринятой, то на какое-то время проигнорированные «входы» уходят в тень и модель становится пригодной для решения оперативных задач (и управленческих, и пропагандистских), при этом тот, кто использует «теневые» точки воздействия, получает определенное преимущество – его действия незаметны. Отбором управляемых характеристик руководит явная или неявная цель и, выбирая аналитическую модель, следует отдавать себе отчет в том, какие цели ставятся по отношению к системе.

⁶ Pitirim A. Sorokin. Harvard University. *Sociology of Yesterday, Today and Tomorrow* // *American Sociological Review*, December 1965, Vol. 30. № 6. – Pp. 833–843. Русский перевод: Сорокин П. *Социология вчера, сегодня и завтра* // *Социол. исслед.* 1999, № 7, с. 115–124.

Если целью является сохранение стабильности, то выделяются факторы ее поддержания, постоянные характеристики, которые можно обнаружить в ее истории; если аналитика проводится в контексте развития или выживания, то выделяются именно эти линии; если аналитика призвана ускорить разложение и гибель, то отбираются модели, позволяющие выявить механизмы, ограничивающие время жизни исторического образования. Собственно, это один из способов управления сознанием политических и культурных элит: выделение одного из аспектов, истолкование его как главного и единственного и тем самым превращение его в доминанту. Последующая работа с доминантой, ее дифференциация и развитие ведут к тому, что модель подменяет собой моделируемую сущность и на какое-то время становится фактором управления – все, что ей противоречит, вытесняется в фон.

Историческая аналитика всегда направлена на конструирование будущего и поэтому избираемая модель не только истолковывает историю, выделяя структуры и закономерности, но и отбирает элементы и операции для последующего конструирования. Из прошлого выбираются те элементы, которые станут строительным материалом будущего. Проект по отношению к прошлому всегда конструктивен: прошлое не обнаруживается, а создается. Создается не в фантазиях, а опираясь на специально выделенные исторические линии, которые нужно преобразовать в исходный проектный материал. Претендовать на то, что можно достичь по-

нимания сложнейшей цивилизационной системы (в том числе и ее прошлой истории), используя простые мыслительные средства, наивно. Еще наивнее полагать, что цивилизационный проект может быть выстроен как проект простой технической системы, где можно рассчитать каждый последующий шаг. Цивилизационный проект выращивается как живое существо со всеми его неожиданными трансформациями. Можно создать зародыш, но невозможно предсказать его окончательную взрослую форму.

Модель должна повысить вероятность наступления именно *этого*, желательного для аналитика, будущего, извлечь из истории неявные и часто не связанные между собой аспекты и, объединив их в тенденцию, ведущую к желаемому результату, превратить сконструированную тенденцию в проект, подлежащий реализации. Если все современные модели обещают скорую гибель системе, которую мы хотим сохранить (а в нашем случае речь идет о России), то становится необходимым извлечение из цивилизационного фона тех составляющих, которые были проигнорированы моделями, предвещающими гибель, но которые могут стать основой конструирования приемлемых для нас процессов. Эти составляющие нужно обнаружить, объединить и превратить в эффективно работающие факторы. Искусство такой работы заключается в том, чтобы выделять реальные, хотя и скрытые, исторические характеристики, а не придумывать их за письменным столом.

1.1.2. Понимание не обязательно влечет за собой действие. Но действие в неявном виде уже содержится в понимании. Прагматическое назначение модели – формирование более или менее эффективных каналов воздействия. Модель создает «сито», через которое «просеивается» текущая информация. Этим «ситом» определяются инструменты для решения задачи

Интерпретацию истории следует понимать как часть реализации некоторого Большого проекта. Еще раз подчеркнем, такой проект нельзя придумать, его составляющие можно только выделить из реальной истории. Только тогда он становится действенной силой, опирающейся на всю мощь предшествовавшего исторического потока. Напомним слова Оруэлла: «Тот, кто держит под контролем прошлое, тот держит под контролем и будущее».

Модели задают язык описания реальности, в котором формулируются существующие реальности и действия по отношению к ним. Но модель создается с помощью ограниченных мыслительных средств и для того, чтобы модель выделилась как нечто значимое, она должна отвергнуть все остальное:

«...если что-либо делается присутствующим, то что-то иное, не соотносимое с ним делается отсутствующим, выталкивается из поля видимости: присутствие невозможно без отсутствия»⁷.

⁷ Дж. Ло. После метод: беспорядок и социальная наука. М., Изд-во Института

Модель откликается либо на текущую острую проблему, либо на хроническую глобальную:

«...нам предстоит выбирать между различными реалиями по степени их желаемости. Мир всегда может быть другим... Если реальности создаются по-разному, тогда... важным становится продумывание различных модусов созидания...»⁸.

Обычно (есть и исключения) в изложении концепции скрыты и текущая задача, и перспективная.

Проект сопровождается соответствующей концепцией, а концепция и созданная на ее основе модель выступают в качестве увеличительного стекла, позволяющего резко преувеличить значимость именно *этих* аспектов развития, именно *этих* закономерностей, изолировать их от всех остальных, создать средства, усиливающие процессы, выбранные в качестве основных и сглаживающие действие сил, признанных несущественными. На самом деле аспекты действительности, не отраженные в модели, всего лишь уходят в фон и продолжают действовать, оставаясь незамеченными. Настоящее управление историей возможно лишь при: а) учете всех факторов, выявляемых многими существующими (и взаим-

Гайдапа, 2015, с. 295. Исходный текст: Law J. After Method Mess in social science research. London N.Y.: Routledge, 2004, p. 144. Учитывая качество перевода, приводим фразу в оригинале: «...making anything present implies that other but related things are simultaneously being made absent, pushed from view, that presence is impossible without absence».

⁸ Там же, с. 313.

но противоречивыми) моделями; б) постоянной разработке новых моделей, выделяющих в качестве главных факторов именно те, что в текущей реальности кажутся несущественными. Модели должны быть не статичными, а развивающимися вместе с самой конструируемой реальностью.

Таким образом, у исторических концепций двойственный статус: с одной стороны, рационализация, упрощение или даже «ампутация» того участка культуры, по отношению к которому возникает концепция, с другой – метафора еще не сбывшегося, проекция малоосознаваемого *Иного* на плоскость якобы «понимаемого» настоящего. Работая с концепцией, нужно понимать, что она отражает и что предвещает. Концепция – инструмент управления Настоящим. Это ее рациональная часть. Но одновременно она является и искаженным отражением *Иного*, которое может явиться нам в Будущем, а может и остаться нереализованным, но символически проявленным в культуре, подобно симптому, отражающему вытесненную травму, в психоанализе.

Истинная ценность концепций и моделей заключается в их конструктивном потенциале, в том, как *понимание* может развернуться в *систему действий*. Действенность модели определяется степенью близости отдельных ее фрагментов наблюдаемой и описываемой прежними моделями реальности. Близкие элементы модели и реальности сливаются воедино, формируется нерасчлененный на описание и реальность целостный образ – гештальт («карта сливается с мест-

ностью»). Это обстоятельство обеспечивает модели на некоторое время большой манипулятивный потенциал – как в плане управления сознанием «широких масс», так и в плане осуществления действий управленческой элиты: управление осуществляется посредством команд, формулируемых в языке соответствующей модели.

Рассматривая различные существующие и разрабатывая новые концепции, нужно иметь в виду, что задача нашего поколения – восстановление перспектив самостоятельного цивилизационного развития России. При этом мы исходим из следующего утверждения: Россия может существовать только как Большой Проект, как самодостаточная цивилизация. Это утверждение недоказуемо, но очевидно для тех, кто понимает: осмысленное существование государства равнозначно наличию некоего универсального проекта. К этому пониманию подталкивает вся история России вплоть до нашего времени. И это обстоятельство является основанием для отвержения, отбора или порождения тех или иных концепций и моделей.

1.1.3. Модель обязательно включает в себя описание исходного материала – социокультурных организованностей и механизмов их порождения и трансформации. Понимание, из чего происходят наблюдаемые структуры, позволяет определить реальные или фантастические механизмы преобразования одних структур в другие. В основе любой модели лежит историческая концепция – система явных и неяв-

ных постулатов и подходов к интерпретации исторических явлений. Концепция дает понимание, а модель предоставляет набор инструментов, проистекающих из этого понимания.

Множество существующих концепций исторического процесса можно разделить на доктрины непрерывного прогрессивного развития (формационные, модернизационные и т. д.), циклические (полностью или частично организмические) и модели Перехода к следующему возможному или совершенно не гарантированному историческому этапу – к *Иному*.

Прогрессистские и циклические доктрины неоднократно описывались и анализировались, поэтому коснемся их лишь вкратце, доктрины же *Перехода к Иному* детально не разработаны, поэтому им будет уделено больше внимания. Прогресс и циклы опираются на законы и историческую автоматiku, Переход к Иному предполагает принципиальный выход за рамки жестких закономерностей. Мы остановимся только на инструментах управления историей, которые из этих концепций и моделей можно извлечь и применить для проектирования будущего России.

1.2. Доктрины прогресса или доктрины непрерывного роста опираются на представление о нормативном ходе истории в виде последовательной смены типов социального устройства и технологических эпох. Эпохи и фатальность их наступления различаются в разных теориях от последо-

вательности марксистских формаций до перечня технологических укладов (6—10 в разных доктринах).

1.2.1. Доктрины прогресса принципиально европоцентричны. Предполагается наличие некоторой нормативной и единой для всех обществ последовательности политических, культурных и технологических преобразований, отклонение от которой ведет к отставанию от обществ, движущихся по нормативной кривой. Фундаментальным концептом современных прогрессистских теорий становится *модернизация*. Признаки модернизации варьируют от концепции к концепции, но для нашей темы мы выделим следующие моменты:

- противопоставление модернизации традиционным формам общества (отсюда проистекают концепт Традиции и противоречие Традиция – Модерн);

- секуляризация, которая признается необходимым условием и неизбежным следствием модернизации;

- процесс технических инноваций – *техногенез*;

- единообразные формы социально-политического устройства – мягкое управление поведением и установками широких масс на основе различных вариантов представительской демократии;

- определенный тип мышления, лежащий в основе управленческой деятельности, секуляризации и техногенеза.

Модернизация предстает глобальным необратимым и унифицирующим явлением. В современных доктринах прогресса носителем нормативности выступает Запад – основ-

ной (в настоящее время) инициатор техногенеза, построивший социальные структуры, обеспечивающие быстрое развитие. Модернизация – системное явление: техно-, культуро- и социогенез взаимосвязаны и рассматриваются как запрограммированные своего рода «культурной ДНК» Запада. Отклонения от нормативного хода истории и реализация иной культурной модели рассматриваются как заведомо малоэффективные, чреватые прекращением социального развития и срывом техногенеза. Доктрины модернизации задают и проекты выживания – нужно уподобиться лидеру, а для этого – изменить свою «культурную ДНК». Модернизационные доктрины позволяют выделить важный фактор – *автономный техногенез*, развитие технологий, которые являются не отражением эволюции культуры и не ответом на вызовы, а определяются всей совокупностью взаимодействующих технологий.

1.2.2. Существующие концепции прогресса интересны описанием модернизационных механизмов и неизбежно вытекающей из них идеи автономизации техногенеза. Доктрины непрерывного роста выделяют некоторые взаимосвязанные и очевидные линии: усложнение технологий, усложнение порядка управления, усложнение мышления. Концепции прогресса преобладали в X[^] веке, были потеснены циклическими теориями в XX и нынче вновь начинают занимать существенное место, фиксируя факт появления *автономного техногенеза*. Собственно, именно впервые в ис-

тории появившееся и наблюдаемое последние триста лет непрерывное технологическое развитие и является главным доводом в пользу этих концепций. Технологизация производства позволяет осуществлять перенос принципов техногенеза на социальные и культурные процессы, по отношению к которым разрабатываются социокультурные управленческие технологии. Факт техногенеза экстраполируется и на более ранние эпохи, которые рассматриваются как медленное движение к современности. Техногенез начинает рассматриваться как своего рода аттрактор. При этом в тень уходят другие факторы, в первую очередь культурно- и этногенез, отнюдь не исчезнувшие. На Западе, в первую очередь в США, созданы социальные структуры, сводящие к минимуму социальные и культурные препятствия инновационному развитию, однако сколь долго продлится этот процесс, до сих пор неясно. Тип техногенеза и культурно-социально-политическое устройство оказываются тесно взаимосвязанными.

Возникает вопрос о возможности вариантов модернизации, отличающихся от западного направления развития. Возможен ли техногенез не в сочетании с секуляризацией и культурной унификацией, а при одновременном усилении религиозной и культурной жизни?

1.2.3. Модернизация западного типа тесно связана с преобладанием вполне определенных форм рационального мышления, и эти ограниченные формы проецируются на

техническую эволюцию. Рациональное мышление постулирует законосообразность всех процессов, что отражается и в представлениях об устройстве Мира, и в идее господства законов в социальной жизни, которые должны соответствовать объективным законам истории, определяющим историческое движение в заданном этими законами направлении. Отсюда и единственность, и нормативность исторической траектории, реализованной Западом.

Рациональное мышление направлено на нахождение базовых элементарных, дискретных и независимых друг от друга единиц, из которых строится Мир (и это ведет к появлению универсальных теорий) и из которых можно построить управляемую окружающую среду (так возникают «технологии строительства» и весь мир современной техники, собираемый подобно строящемуся зданию из элементарных дискретных единиц-«камней»). Мышление рафинируется, и как наследник метафоры строительного камня возникает *метафора цифры*.

Основная метафора прогрессистских моделей – непрерывное строительство, стройка, не имеющая завершения. Образ такой стройки – *Вавилонская Башня*. В основе строительства лежит *план*. Упадка как такового нет, проблемы преодолеваются правильным планированием. В отношении финальной стадии в последние годы представления сместились от «конца истории» Фукуямы до предчувствий различных глобальных институциональных изменений вплоть

до «точки сингулярности» Винджа и Курцвейля, вплотную приближающихся к концепциям Перехода к Иному. В мягком варианте это смена технологического уклада (начало 6-го).

Теории прогресса несут на себе следы «травмы обусловленности», неявно предполагая наличие механизма появления нового, не зависящего от человеческой воли. Результат задан: новые качества порождаются в ходе случайных колебаний и отбора, но выживают только те, что направляют историческое движение к заранее заданному аттрактору. Формационные и модернизационные модели помещают человека внутрь фатально predetermined процессов, в которых можно только соучаствовать: «свобода есть осознанная необходимость», свобода в том, чтобы примкнуть к прогрессу.

1.2.4. Для современной России (не занявшей вследствие катастрофы 1991 года доминирующего и ведущего положения в формировании 6-го технологического уклада) прогрессистские концепции оставляют либо возможность догоняющего развития, т. е. встраивание в нормативный ход истории, уподобление лидерам прогресса, отождествление с ними, либо поиск иного направления развития, целенаправленное отклонение от нормативной исторической кривой, поиск более сильных вариантов, нежели уже реализованные и планируемые.

1.3. Циклические модели, в отличие от прогрессистских концепций непрерывного развития, с одной стороны, признают равноценность и разнообразие форм исторической реализации, рассматривая западную модель лишь как одну из многих, с другой – более пессимистичны. Их метафора – цивилизации как живые организмы. Все циклические модели цивилизационного процесса описывают развитие цивилизаций/культур/этносов как жизненный цикл организма – от рождения до неизбежной смерти. Эти модели выявляют организмическое начало каждой цивилизации, преувеличивают его значение, выделяют его из сплошного многомерного потока истории и, следует признать, обладают большой прогностической силой. Эффективность их усиливается, когда циклические модели начинают рассматриваться не как красивый и изящный теоретический продукт, а как «инженерная» схема.

1.3.1. Красота циклических схем делает их чрезвычайно суггестивными. Нужно лишь принять, что общество (этнос, цивилизация) есть организм, подобный биологическому, и ничего более, и мы примем за реальность все, что проистекает из модели. Принимается в первую очередь односторонность развития любой цивилизации – от появления первичного малодифференцированного и высокоэнергетичного зародыша до высокодифференцированных «взрослых» форм с последующим старением и гибелью. Интерес к циклическим моделям обостряется, когда приходит ощущение

исчерпания исторического цикла. Признаки упадка становятся зримыми, и маркеры циклических моделей, характеризующие завершение цикла, – узнаваемыми.

Циклические доктрины, следуя организмической метафоре, декларируют необратимость смены фаз.

Н. ДАНИЛЕВСКИЙ:

«Пятый закон культурно-исторического движения состоит в том, что период цивилизации каждого типа сравнительно очень короток, истощает силы его и вторично не возвращается»⁹.

«Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу»¹⁰

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., «Книга», 1991, с. 106.

¹⁰ Там же, с. 92.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.